

стиан как источник дает не больше, чем, например, Ф. Палацкий, автор многотомной «Истории чешского народа», написанной в XIX в. Хотя сочинение Кристиана и может обратить внимание на то, что недоговорено в аутентичных памятниках, но оно не имеет ценности оригинального свидетельства. Конечно, Кристиан сохраняет и прямую историческую значимость, но для познания идеологии конца X в. историческая ценность такого рода присуща и трудам Ф. Палацкого — в этом случае для изучения идеологии XIX в.

В Житиях Константина и Мефодия много пробелов, недомолвок, умышленных и невольных, и это всегда чувствовали позднейшие читатели и справщики. Одним из первых почувствовал это Кристиан и резче очертил контуры событий, которые его интересовали в этих житиях. Едва ли Кристиан располагал и другими источниками; что касается Житий Константина и Мефодия, то он обработал их в соответствии со своими потребностями и намерениями.

Различия между Кристианом и Паннонскими житиями налицо, но было бы сомнительным относить их на счет утраченного памятника, возникшего около 900 г. Важен прежде всего характер отклонений Кристиана от житий, и именно их характер заставляет быть скептическим. Так, Кристиан сообщает о моравских иерархах следующее: «верховный священнослужитель, властвующий над семью служителями той же святости».⁴⁴

Р. О. Якобсон в этой связи говорит о «важной роли числа семь в кирилло-мефодиевской агиографии». На самом деле нет необходимости строить столь искусственное объяснение. Невозможно опровергнуть традиционное мнение, что Кристиан взял сообщение о семи епископах из подделки пассауского епископа Пильгрима. Это опять-таки заставляет вспомнить о хронологии: подделкой Пильгрима нельзя было воспользоваться раньше ее возникновения, т. е. до конца X в.

Предположение, что отличия Кристиана от Паннонских житий восходят к утраченному памятнику рубежа IX—X вв., требует реабилитации этих отличий с точки зрения исторической достоверности. Однако такая реабилитация, предпринятая Р. О. Якобсоном, окончилась полнейшей неудачей. Гипотеза о существовании «старославянского Privilegium» не выдерживает критики и с точки зрения технической, если разобраться в вопросе о круге источников Кристиана и методах его работы. Этой проблемой занималось много исследователей; наиболее вероятным является объяснение М. Вейнгарта.⁴⁵ Основной вопрос здесь заключается в следующем: пользовался ли Кристиан только латинскими источниками или также и старославянскими? Очевидно, что в той части, где речь идет о Вацлаве, Кристиан использовал наряду с латинскими легендами (главным образом Гумпольдовой и «Crescente fide») и первое старославянское житие св. Вячеслава («востоковское»). Что касается первых двух глав его труда, посвященных Кириллу и Мефодию, то общепризнано, что Кристиан не знал латинской легенды Гаудериха, которая была составлена в начале 70-х годов IX в. в Риме на основе Жития Константина. Хотя ее подлинный текст не сохранился, она известна в малосущественной переработке Льва Остийского начала XII в. и носит условное название «Итальянской легенды». Так как из числа источников Кристиана приходится исключить реальную «Итальянскую легенду», то, поскольку речь идет о возможных латинских памятниках, мы вынуждены обратиться к сочинению, о котором говорит Козьма — к «Privilegium moraviensis ecclesiae».

⁴⁴ Summus pontifex, habens sub se septem eiusdem sanctitatis pontifices.

⁴⁵ См.: Svatováclavský sborník, I. Praha, 1934, стр. 1015—1024.